

ГОРЕ УМУ

Начало см. стр.11

Не признаю себя виновным также в попытке создать нелегальный литературный кружок. Но признаю, что я действительно делал попытку создать литературный кружок на легальных основаниях. В этот кружок должны были войти мои товарищи (...) Цель кружка — научиться самостоятельно работать над вопросами теории и истории литературы. Навязывать свои антисоветские взгляды на литературу членам кружка я не собирался, но в процессе нашей работы я их высказывал бы.

— В своей антисоветской работе и антисоветских замыслах, Вы показания. Предлагаем Вам этот пробыл восполнить на следующих допросах.

15 февраля 1944 г.

— Когда Вы познакомились со Шкловским?

— В июле-августе 1943 года.

— При каких обстоятельствах?

— Всех студентов-дипломников Литературный институт прикреплял для консультации к писателям. По моей просьбе я был направлен с письмом от дирекции института к Шкловскому. У Шкловского я был на квартире в доме № 17/19 по Лаврушешскому переулку и рассказал ему о своем желании получить от него помощь. Шкловский согласился. Через несколько дней после знакомства я принес Шкловскому для ознакомления свой роман «Черновик чувств».

— Почему именно у Шкловского Вы изъявили желание получать консультации?

— Потому что Шкловский — мой любимый писатель.

— Раньше с ним были знакомы?

— Нет.

— Сколько раз Вы были у Шкловского?

— Много раз.

— Зачем к нему заходили?

— Первое время я получал у Шкловского консультации, а затем заходил к нему в гости.

— Какую оценку дал Шкловский Вашему роману «Черновик чувств»?

— Шкловский считал, что роман

неудачный, но говорил мне о том, что в ряде мест романа есть антисоветские утверждения.

— Шкловскому высказывали свои антисоветские взгляды?

— Да, Шкловскому я высказывал свои антисоветские взгляды на литературу и говорил ему о своем отношении к политике советского правительства в области литературы и искусства.

— Как реагировал на Ваши высказывания Шкловский?

— Мои взгляды он осуждал.

— Так ли это?

— Безусловно так.

— Расскажите о своем знакомстве с Антокольским, Зощенко и Шенгели.

— С Антокольским я познакомился летом 1941 года в Литературном институте. Антокольский руководил в институте творческим семинаром. В январе 1944 года два раза у Антокольского я был на квартире, заходил к нему в гости.

— С Зощенко знаком с осени 1943 года. Тогда он жил в гостинице «Москва». К нему меня направил Шкловский. Мне хотелось узнать мнение Зощенко о моем романе «Черновик чувств».

— Какого же мнения Зощенко о Вашем романе?

— Зощенко сделал ряд замечаний чисто литературного характера. О моих антисоветских взглядах в романе Зощенко ничего не сказал.

— Сколько раз Вы были у Зощенко?

— Только один раз.

— Когда познакомились с Шенгели?

— С Шенгели я познакомился в 1940 году в Литературном институте, где он вел творческий семинар. До этого я заходил к нему с целью получить от него отзыв о моих литературных способностях. Этот отзыв мне был нужен для поступления в Литературный институт. По рекомендации Шенгели я был принят в институт.

В 1941 году Шенгели уезжал из Москвы и до лета 1943 года я с ним не виделся. Летом 1943 года Шенгели приезжал в командировку и заходил ко мне на квартиру. В это время

он читал мой роман «Черновик чувств».

— Какие замечания сделал Шенгели по части Ваших антисоветских взглядов в этом романе?

— На эту тему я с Шенгели не разговаривал.

— С кем из писателей Вы знакомы еще?

— Я также знаком с Сельвинским и Асеевым. Кроме того, по институту я был знаком с Фединым и Леоновым, бывал у них на творческих семинарах. Сельвинский в институте руководил творческой кафедрой и вел семинар. В отсутствие Сельвинского в Москве, Асеев был его заместителем по кафедре.

— У кого из них Вы бывали на квартире?

— Бывал на квартире у Сельвинского и Асеева. У Леонова и Федина на квартире не был.

— Сельвинский и Асеев знакомы с Вашим романом «Черновик чувств»?

— Мой роман «Черновик чувств» читал только Сельвинский. Причем он читал второй вариант романа, из которого выброшены строки о «тягостной поре диктатуры пролетариата».

Допрос прерывался с 15 час. 20 мин. до 19 час.

16 февраля 1944 г.

— Во время ареста у Вас на квартире изъято стихотворение «Пролог». Прочитывать Вам его? Это Ваше произведение?

— Да, мое. Написал я это стихотворение 5 ноября 1941 года в гор. Сызрани или в Куйбышеве, куда я был эвакуирован вместе с родителями.

— Какую оценку дадите этому стихотворению в смысле его политической направленности?

— Свое стихотворение «Пролог» считаю антисоветским. В этом стихотворении я изложил клевету на отдельные периоды развития советской власти, в частности на современный военный период.

Ответы записаны с моих слов верно и мною прочитаны. Подпись. Допросил. Подпись.

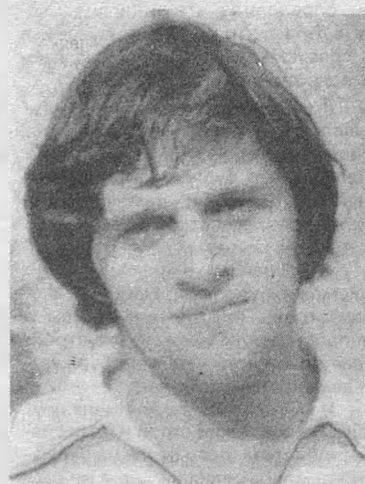
Публикация
ГРИГОРИЯ ФАЙМАНА
Москва

Продолжение следует.
Начало в «РМ» №4095.

Манук Жажоян

НЕКРОПОЛЬ

Их первые книги оказались последними...

Юрий Штейнгауз
Anno LXXVI

Чикаго, «Stone House», [1994].

Поэт, прозаик, художник Юрий Штейнгауз — пожалуй, самая яркая и оригинальная фигура в нашем «Некрополе».

Он родился в Москве в 1951 году. Рос в просвещенной, интеллигентной семье. Родители Юрия, а также родители родителей были живыми носителями той культурной традиции, которая сформировала поэта задолго до того, как он осознал себя таковым, задолго до того, как он предался напиряженнейшему и не прерывающемуся до самой смерти самообразованию. В каждой строке Юрия Штейнгауза, даже не самой удачной, чувствуется эта генетическая, корневая сила культурной традиции.

Самой ранней и сохранившейся до конца страстью Юрия была живопись. Он пересматривал и перечитывал, лет с десяти, несметное количество альбомов и книг по живописи, усваивая их глубже, чем взрослые, — и впоследствии, отдавшись поэзии, он сохранил в себе «живописное» отношение не только к миру, но и к слову.

Однако в 1968 году (а лето этого года он провел в сильном нервном напряжении — из-за чешских событий) Юрий поступает на математический факультет Московского университета. Из-за сложных отношений с комсомольской организацией его из института едва не исключили. После его окончания он был направлен учителем в «трудную» школу в Марьиной Роще.

Эмигрировал в США в 1974 году.

В Америке Ю.Штейнгауз жил один, сначала в Колумбусе (штат Огайо), где он получал какое-то пособие, а затем в Бостоне и Чикаго — уже без всякого пособия. Он бедствовал, жил в сыром подвале, а то, что зарабатывал, точнее, подрабатывал, уходило на краски и оплату сырого подвала.

Юрий Штейнгауз умер (или погиб) в 1976 году, в возрасте 25 лет. Обстоятельства его смерти неизвестны.

Он был невероятно одаренным человеком, но самая сильная сторона его таланта — это талант одиночества, на которое он не только был своей судьбой и характером обречен... Я почти уверен в том, что одиночество было его личным выбором. Не инфантильная игра в одиночество, когда ты, как ребенок, закрываешь глаза и думаешь, что вокруг тебя никого нет, но реальное, ошеломительное одиночество, когда глаза открыты, а вокруг все равно пустота. Но в случае поэта одиночество не стоит клесть. Кто знает, не будь этого одиночества, смог бы Юрий Штейнгауз за двадцать пять лет жизни оставить после себя рукописи, позволившие составить книгу в 300 страниц?

Знаете, одиночество всегда, почти всегда, предполагает не столько ту или иную степень неприязни к человеку (включая себя самого), — иначе не было бы добровольного одиночества, одиночества как выбора, — сколько нежизнью любовь к неживому. Как в этих, необычайно красивых, стихах:

...И легкость молочного снега
На женственно нежном снегу.

Который с прощеньем

печальным

Лежит, как подарок

прошальный, —

Так тихо, так мягко лежит...

Такой обреченно белейший

Подарок зимы отболевшей

На память взаимных обид.

И еще одно пожизненное чувство Ю.Штейнгауза — чувство обреченности своего пути:

Вам — искать завистливого рая,
Мне — гореть в языческом аду,
Оттого, что бедственно не знаю
Тех путей, которыми иду.

О мертвых — либо хорошо, либо ничего, но мы все-таки говорим о живой книге, и, быть может, это нам даст право сказать, что путь Ю.Штейнгауза лежал все-таки не в стихах, и не в живописи (репродукции его картин, очень интересных, включены в книгу), но в прозе. Его эссе, наброски и короткис рассказы блестящи — и это уже без всяких скидок на возраст и трудную судьбу.

Ну вот посмотрите: «Разделение на пишущих и читающих, видимо, разделение изначальное, проходившее через все. Ведь, взирая на Мировозданье, одни видят прежде всего результат — Вселенную, в то время как другие, прежде всего, — Автора. Оттого-то в какой бы области науки или искусства ни подвизался поэт, он не может не верить в Бога.

Абстрактно, Бог — это автор. Наглядно, Бог это тот, кто стоит между Твореньем и читающим. Таким образом, Он есть принадлежность столько же самого Творенья, сколько и читающих. И так как единства с Творением мы далеко не достигли, заключаем, что Он здравствует».

Или здесь: «...Положим, что поэт ушел. Ушел. — Что же остается? Остается тротуар и окна, которые этот тротуар разглядывают. Отношение окон к поэту — отношение поэта к окнам есть вещь особая. Связанное с окнами всегда интересует поэта.

Здесь уже начинает отдавать творчеством.

Днем окна вполне плоски — развитие происходит скрытно, часто — даже извне. Вечером же и ночью начинается отдача.

То, что показывается, несвязные движения фигур, иной раз — полубожественные тела, напоминают поэзию модернистов».

Мы бы не задумываясь сказали, что русская словесность потеряла в лице Юрия Штейнгауза талантливейшего эссеиста, если бы здесь не было горчайшего несоответствия реальности: дело в том, что русская словесность (и отечественная, и эмигрантская) в его лице ничего не теряла, ибо она им никогда не обладала. За свою жизнь Юрий не опубликовал ни одной вещи, вышедшей из-под его пера. Не нам судить, останется ли ему запоздалое признание. Мы лишь знаем одно: генеральность (не будем бояться этого слова) задела его своим крылом.

Два слова об отце Юрия — Александре Штейнгаузе. То, что эта замечательно изданная книга увидела свет, — целиком его заслуга. Составление, композиция, оформление принадлежат ему, сын при жизни не успел об этом позаботиться.

Мы живем в интересную эпоху — когда отцы продолжают дело сыновей.

Елена Рощина
Да утешится печаль твоя...

Стихи. Размышления из дневников.
Эссе о киноискусстве.

Вичуга, «Наше наследие», 1995.

Елена Рощина, поэт, кинокритик, журналист, родилась в 1967 году в г.Родники Ивановской области. С отличием окончила школу и факультет журналистики Воронежского университета. Работала редактором ивановской областной детской газеты, публиковалась в областных и центральных российских изданиях. В 1993 году стала членом Союза журналистов России.

«Все карточки от рая
открепляю...»

Начало см. стр.11

Самый вопрос о свободе печати исключен. Реально — не выходят никакие книги (кроме чисто агитационной литературы), ибо нет ни бумаги, ни краски. Лучшие типографии разрушены, рабочие мобилизованы.

Писателям, если они не хотят превратиться в советских агитаторов, остается просто молчать. Что касается эмиграции, то вряд ли оно способствует «творческой работе».

В последнем предположении Гиппиус оказалась не совсем права. За годы жизни в чужеземье она много и плодотворно участвовала в литературной жизни русской эмиграции. Это и дневники, и мемуарная проза, и беллетристика, и поэзия... Но, пожалуй, наивысший взлет стихотворчества Зинаиды Гиппиус пришелся на эпоху революции и усобицы. Некоторые из этих стихов были прочитаны на литературном вечере Мережковского, Гиппиус, Философова и Злобина, состоявшемся 27 февраля в Городском зале Вильно. В газетном отчете о них сказано: «Сильные, проникнутые подлинным лиризмом стихотворения,

были с большим вниманием прослушаны аудиторией. Стихотворения последнего времени пропитаны ядом сатиры» («Вильнский курьер», 29 февраля 1920).

Нельзя исключить, что стихи эти и другие следы пребывания Зинаиды Гиппиус в Литве могут обнаружиться на страницах «Вильнского курьера». Увы, время оказалось беспощадно к этому лимитрофному изданию: в подшивке, которую довелось мне просматривать, зияли сплошные лакуны. Сохранились единичные номера, но и они позволяют восполнить вильнский период в годы изгнания поэтессы. Судя по тому, что еще 2 марта 1920 года Мережковским была прочитана лекция в Вильно на тему «Мицкевич, Польша и Россия», пребывание беженцев из советской России на литовской земле растянулось более чем на месячный срок.

И последнее. В этой истории фигурирует еще третья сторона — К.И.Чуковский, которому суждено было исполнить отнюдь не только роль статиста и передаточного лица. Взыскующая свободы Зинаида Гиппиус обращалась со своим сакраментальным вопросом и к «седому мальчику с душою нежной». Не может не вызвать удив-

ления явная симпатия и какая-то задушевная теплота, даже сентиментальность в оценке его личности — согласитесь, неожиданная в устах дамы, славившейся злоречием. Надо полагать, что она дорожила мнением Чуковского, чье имя не было опорочено какими-либо политическими выступлениями. В то же время он занимал не отстраненную, а активную жизненную позицию в те страшные годы (организовал в вымирающем Петрограде «Дом искусств», старался обеспечить собратье по перу хотя бы переводческой работой, выступал перед разного рода аудиториями и т.п.). Конечно, подобные действия тоже могли расцениваться как предательство. В ответ на подобные обвинения, предъявленные однажды ему одной дамой, Чуковский ответил так: «Я всем существом ощущал, что советских детей нет, а есть русские дети, точно так же, как нет советских солдат, советских моряков, а есть плохие или хорошие — русские люди. Потому-то я был фанатичным врагом саботажа в области культурной работы: читал лекции красноармейцам, матросам и радовался, узнавая их ближе».

Может статься, дамой этой была никто иная, как Зинаида Гиппиус. Во всяком случае ясно, что ответ Чуковского ее «не утешил». В разбушевавшейся народной стихии ей виделось лишь «хамье» и «лупурное матросье». Могла ли она, максималистка, «безумная гордыня», мириться с красным режимом, сотрудничать с большевистскими властями?.. Оставалось единственно возможное решение — бегство из «царства Тьмы». Однако не затем, чтобы спасти собственную жизнь. «Мы не в изгнании — мы в ползании» — так сформулировала она впоследствии миссию России, выехавшей за рубеж.

АНАТОЛИЙ ИВАНОВ

Москва

Окончание. Начало в «РМ» №4095.

В Париже вы можете купить «Русскую мысль»

в редакции — 217, rue du Fbg St-Honoré

(M°, RER Charles de Gaulle-Étoile или M° Ternes). В редакции можно купить не только свежий номер, но и отдельные номера последних лет. Газету также можно купить в киосках «Hachette», которые продают международную прессу. Например, на вокзалах: Gare de Lyon, Gare de l'Est, Gare du Nord, Gare St. Lazare, на станции RER «Châtelet». По вашей просьбе любой другой киоск тоже может заказать у нас газету, чтобы регулярно получать для продажи необходимое количество экземпляров (через NMPP).